

Д. А. Казанцев,

кандидат юридических наук,
электронная площадка B2B-Center

ПРАВО НЕЙРОСЕТИ: ФИКЦИЯ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Аннотация. Статья посвящена специальному регулированию отношений, реализуемых с использованием искусственного интеллекта, и необходимости комплексного междисциплинарного подхода к формулировке соответствующих норм. На примере проблематики определения авторского права при создании результатов интеллектуальной деятельности с использованием нейросети раскрыта проблематика правовой субъектности искусственного интеллекта. Сформулирована идея о том, что даже в условиях отсутствия правовой субъектности результаты деятельности нейросети подлежат правовой охране, целью которой является соблюдение прав человека. Приведены доводы о необходимости специального регулирования отношений с использованием нейросети в рамках существующих отраслей права, сформулированы ключевые особенности такого специального регулирования. Предложен компромиссный подход к правовому регулированию нейросетей, при котором невозможность признания за ними правосубъектности не исключает их включения в правовые отношения, в том числе в части распространения правовой охраны на результаты их деятельности.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, нейросеть, искусственный интеллект, правовая субъектность, авторское право, правовая защита

NEURAL NETWORK LAW: FICTION OR NECESSITY?

Abstract. The article is devoted to the regulation of relations implemented using AI. An interdisciplinary approach is required to develop such legislation. Using the example of the problems of determining copyright when creating results of intellectual activity using a neural network, the problems of the legal subjectivity of artificial intelligence are revealed. Even in the absence of legal subjectivity, the results of the neural network's activities are subject to legal protection, the purpose of which is to respect human rights. There is a need for special regulation of relations using a neural network within the framework of existing branches of law, and the key features of such special regulation are formulated. The work proposes a compromise approach to the legal regulation of neural networks, in which the impossibility of recognizing their legal personality does not exclude their inclusion in legal relations, incl. in terms of extending legal protection to the results of their activities.

Keywords: law, digital technologies, neural network, artificial intelligence, legal subjectivity, copyright, legal protection

Введение. Проникновение технологий искусственного интеллекта во все новые сферы жизни человека и общества ставит перед этим обществом вопросы об актуальности и возможности применения регуляторных механизмов к использованию таких технологий. Однако для юридической науки неуместно установление

регулирования ради регулирования. Регуляторные нормы должны быть адекватны как регулируемым отношениям, так и субъектам, реализующим такие отношения.

Этот подход ставит перед нами по меньшей мере два фундаментальных вопроса. Хотя тематика перспектив правового регулирования технологий искусственного интеллекта не ограничивается лишь этими вопросами, но в рамках данной статьи мы сфокусируемся именно на них:

Может ли нейросеть выступать в качестве правового субъекта?

Порождает ли деятельность нейросети отношения, регулирование которых в полной мере невозможно в рамках существующих правовых конструкций?

И хотя эти вопросы очевидным образом взаимосвязаны, они пригодны для обособленного исследования, а ответы на них не являются взаимно детерминированными.

Основная часть. Нейросеть де-факто действует как субъект отношений, демонстрирующий результаты обработки информации на уровне, превосходящем уровень человека, и порождающий собственные результаты интеллектуальной деятельности. И в качестве мыслящего и действующего субъекта она, на первый взгляд, выглядит вполне уместным кандидатом на роль правового субъекта.

Однако важно помнить о двух факторах. Во-первых, право, как институт всегда антропоориентировано. А во-вторых, подобие не означает тождества. Проще говоря, право онтологически ориентировано на регулирование поведения людей и отношений между людьми. И механистическое перенесение этого регулирования на иные формы когнитивной деятельности не просто сомнительно, но и невозможно.

В частности, правовая субъектность базируется на феномене правового сознания. Не отмечая объективно существующие факты правового нигилизма, мы все же презюмируем правового субъекта способным к правовому сознанию и должным верить этим сознанием свое поведение. Однако можем ли мы требовать подобного сознания от нейросети? Не так уж сложно разработать алгоритмы, которые позволят нейросети маркировать те или иные решения в качестве противоправных. Однако, как включить в эти алгоритмы осознание виновности поведения?

Применение категорий «сознание» и «мышление» к нейросети означает упрощение ее деятельности путем придания ей антропоморфных черт. Это упрощение является естественной реакцией человека на то, что результаты обработки информации роботом становятся одновременно непредсказуемыми для человека и при этом тем самым все больше напоминают результаты мыслительной деятельности самого человека. Но при этом ни в коем случае не стоит забывать о том, что такая трактовка – именно упрощение.

Международные исследования ставят под вопрос корректность самого именования нейросетей искусственным интеллектом в смысле признания за ней возможности полноценного мышления и решения творческих задач [1]. Это ни в коем случае не означает умаление возможностей нейросети по обработке информации. Это свидетельствует лишь о том, когнитивная деятельность нейросети основана не на мышлении человеческого типа, а на совсем иных принципах. Именно эти принципы, кстати, обеспечивают результаты, в отдельных случаях превосходящие

результаты мышления человека. Но сами эти результаты свидетельствуют о том, что человеческий тип мышления и сознания нейросети не свойственен.

За этим логичным образом следует проблема деликтоспособности нейросети. Ей не только не свойственно чувство вины. К ней неприменимы и наказания, устоявшиеся в человеческих правоотношениях. На нейросеть не возложишь штраф или обязанность компенсировать причиненный ущерб, ее не отправишь под арест или на исправительные работы.

Любая мера ответственности, которую гипотетический судья вздумал бы применить к нейросети, в конечном счете станет мерой ответственности для конкретного человека или корпорации. В этих условиях именно вина «посредников искусственного интеллекта (разработчиков и пользователей) в случае нанесения вреда системой искусственного интеллекта может быть вполне вероятной, юридически и экспертно доказуемой» [2. Р. 42]. Например, Р. Линес и Ф. Люсиверо прямо говорят о том, что ответственность за вред, причиненный ИИ, несет лицо, его программировавшее, либо лицо, ответственное за его эксплуатацию, в установленных законом рамках [3].

В силу изложенных выше и иных сопряженных с ними особенностей работы нейросети приходится согласиться с выводом о том, что на сегодня нейросеть – да и искусственный интеллект в целом – едва ли могут быть отнесены к субъектам права. С точки зрения достигнутого уровня развития техники на сегодняшний день «очевидна несостоятельность предложения признания за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица, и, несмотря на использование принципов работы человеческого мозга для построения системы искусственного интеллекта, принципы правового регулирования статуса физического лица не могут быть применены к искусственному интеллекту» [4. С. 33]. Наделение нейросети самостоятельной правосубъектностью означает лишь механистическую экстраполяцию прав человека на действия ИИ [5. Р. 15.]. Остается лишенной внутреннего содержания.

Однако невозможность признания за нейросетью самостоятельной правовой субъектности не означает невозможности включения нейросети в правовые отношения. Ведь даже признавая преждевременным положительное решение вопроса о правосубъектности роботов, нужно согласиться с мыслью «о необходимости сработать на опережение, нормативно закрепить обязанность разработчиков и других уполномоченных лиц предпринимать все необходимые меры, обеспечивающие в процессе функционирования искусственного интеллекта интересы человека, и разработать систему норм, обеспечивающих исполнение этой обязанности» [4. С. 33].

Несколько упрощая, в международной дискуссии можно выделить несколько ключевых подходов к решению этого вопроса: констатация отсутствия возможности признания правосубъектности за искусственным интеллектом и возложения всех правовых последствий его деятельности на человека как субъекта права [6. Р. 1101], применение юридической фикции с установлением для искусственного интеллекта правосубъектности, подобной правосубъектности юридических лиц [7. Р. 155, 161], или даже формирование новой отрасли законодательства,

посвященной специфическому регулированию статуса искусственного интеллекта и релевантной этой специфики [8].

Заслуживает внимание мнение российских исследователей о том, что сегодня «наиболее рациональным, но не бесспорным видится использование концепции правосубъектности искусственного интеллекта по типу юридического лица либо электронного лица; подход к правовому регулированию в рамках юридической ответственности, связанной с пользователями, владельцами или производителями систем искусственного интеллекта, а не с технологическими объектами» [9. С. 46].

Важно подчеркнуть: речь идет не о распространении правового режима юридического лица на нейросеть, а именно об использовании опыта правовой фикции для регулирования работы важного участника правоотношений. Проще говоря, правовой режим искусственного интеллекта должен быть отличен и от правосубъектности физического лица, и от статуса юридического лица. Однако наличие такого правового режима представляется все более и более актуальной.

Эта актуальность обуславливается тем, что отношения, реализуемые с использованием нейросети, хотя пока еще и регулируются нормами традиционных институтов права, однако в таком регулировании все чаще и чаще применяется аналогия. Это неизбежно, поскольку сами по себе отношения с привлечением технологий искусственного интеллекта представляют собой принципиально новый объект регулирования. И этот объект требует новых регуляторных норм.

Невозможно в рамках одной статьи охватить все многообразие реальных и потенциальных сфер применения технологий искусственного интеллекта. Однако для иллюстрации вопросов правового порядка, сформулированных выше, в достаточной мере наглядным примером представляется пока еще относительно узкая сфера использования нейросети для создания объектов интеллектуальной собственности.

На сегодня дискуссия о возможности признания авторства за нейросетью остановилась на констатации того, что нейросеть является не субъектом, а инструментом творческой деятельности. Однако при этом важно разделять посылку и вывод следующего экспертного суждения: «в деятельности искусственного интеллекта по созданию результатов, похожих на объекты авторского права, отсутствует творчество, поэтому созданные им результаты не могут быть квалифицированы в качестве объектов авторского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности» [10. С. 21]. Если мысль об отсутствии в работе нейросети компоненты творчества в собственном смысле этого слова не вызывает возражений, то отказ на этом основании в охране правом интеллектуальной собственности представляется сомнительным.

Невозможность признания авторства за нейросетью не исключает авторства на результаты ее деятельности. Самым простым, хотя и не единственным, подходом к определению авторства в данном случае может служить признание автором того физического лица, творческий импульс которого и послужил отправной точкой для работы нейросети. Проще говоря, того, кто задал ей уникальную комбинацию ключевых слов или последовательность таких комбинаций. Здесь можно

вспомнить прецедент XIX в., когда фотоаппарат казался почти такой же инновацией, какой сегодня для нас кажется нейросеть: в деле «Литографическая компания Берроу-Джайлз против Сарони» 17 марта 1884 г. Верховный суд Соединенных Штатов Америки признал авторские права на конкретную фотографию не за фотоаппаратом и не за его изготовителем, а за фотографом [11].

В этих условиях «введение права на результат деятельности искусственного интеллекта может строиться по модели смежного права, однако оно явно теряет свою связь с авторским правом, а потому уместно, на наш взгляд, в данном ключе говорить о праве *sui generis* на цифровые результаты деятельности искусственного интеллекта» [12. С. 82]. Причем такие результаты будут существенным образом отличаться от привычных нам результатов интеллектуальной деятельности.

Во-первых, как уже было означено выше, творческий вклад человека хотя и остается решающим фактором в создании текста, изображения или музыкального произведения, но при этом творческие усилия автора при создании такого произведения несоизмеримо меньше по сравнению с активностью нейросети по обработке авторского запроса.

Во-вторых, при обработке такого запроса нейросеть не создает действительно нового контента, а идет путем глубокой обработки уже существующих текстов, изображений и музыкальных произведений. Это ставит перед нами вопрос о необходимости формирования новых стандартов цитирования и заимствования, но стандартов не для права интеллектуальной собственности в целом, а именно для правового регулирования создания произведений с использованием нейросети.

Таким образом, произведения нейросети не должны оставаться вне рамок правового регулирования и правовой защиты – но при этом и существующие правовые институты применять к ним все сложнее и сложнее. В данной парадигме целесообразным представляется согласие с тезисом «о существовании предпосылок для появления в праве интеллектуальной собственности нового правового института – института права на результаты деятельности искусственного интеллекта. Институт является *sue generis* в рамках права интеллектуальной собственности и не сводится к традиционному авторскому, патентному праву, институту смежных прав и других, хотя в определенной части и основывается на конструкциях таких традиционных институтов» [13. С. 28].

Заключение. За рамками данной статьи остаются многие вопросы, связанные с правосубъектностью искусственного интеллекта, такие как, например, статус робота-водителя или робота врача и потенциальной ответственности за причиненный ими вред. Этим вопросам посвящены специальные исследования, которые в основном склоняются к выводу о субсидиарной ответственности [14. Р. 453, 480] – а точнее, о матрице ответственности, на основании которой вопрос о возложении неблагоприятных правовых последствий решается индивидуально в каждом конкретном случае с учетом комплекса фактов [15. Р. 81].

Однако и приведенного примера проблематики регулирования правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с участием искусственного интеллекта, достаточно для понимания необходимости новых правовых институтов. Нейросеть заметным образом изменяет привычные отношения.

А значит, невозможность наделить нейросеть правами в существующем смысле этого слова не может означать отсутствие правового регулирования для отношений, в которых участвует нейросеть.

Применение к работе нейросети существующих норм – например, норм авторского права на производные произведения – возможно лишь по аналогии. И по мере развития технологий нейросети эта аналогия с неизбежностью будет становиться все более условной, требуя создания специальных норм, учитывающих специфику работы технологий искусственного интеллекта.

Разработка таких норм требует широкой дискуссии экспертного сообщества на междисциплинарной основе, поскольку выводы юридической науки в данном случае с неизбежностью будут строго детерминированы реальностью информационных технологий. Но при этом уже сегодня ясно, что нормы права нейросетей могут и должны быть созданы на основании модификации существующих институтов.

Проще говоря, регулирование искусственного интеллекта не требует революции в праве. С точки зрения системы права нормы, посвященные искусственному интеллекту, могут применяться в качестве специальных норм в рамках уже сложившихся институтов. Вот только формулировка самих этих норм потребует принципиально нового взгляда на мир с учетом новых цифровых реальностей.

Список литературы

1. Lee J.-A., Hilty R., & Liu K.-C. (Eds.). Artificial intelligence and intellectual property. Oxford University Press, 2020.
2. Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5.
3. Leenes R., Lucivero F. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design // Law, Innovation and Technology. 2014. Vol. 6. Iss. 2. Pp. 194–222.
4. Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5.
5. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.
6. Calo R., Chizeck H. J., Joh E., Hannaford B. Panel 2: Accountability for the Actions of Robots // Seattle University Law Review. 2018. Vol. 41.
7. Solaiman S. M. Legal Personality of Robots, Corporations, Idols and Chimpanzees: A Quest for Legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25.
8. Cofone I. Servers and Waiters: What Matters in the Law of AI // Stanford Technology Law Review. 2018. Vol. 21.
9. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32–46.
10. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.

11. Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony. URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/111/53>

12. Харитонова Ю. С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е. Б. Лаутс. М.: Статут, 2019.

13. Аникин А. С. К вопросу об охраноспособности результатов деятельности искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности // Цивилист. 2022. № 2.

14. Duffy S. H., Hopkins J. P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // SMU Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16.

15. Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4.

О. Г. Кирсанова,

кандидат экономических наук, доцент,

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

(Смоленский филиал)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ И ЕЕ ЗАЩИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы защиты коммерческой тайны в условиях цифровизации экономики. Проанализированы основные подходы к определению содержания категории «коммерческая тайна», приводится правовая статистика в рамках рассмотрения дела, связанных с нарушением коммерческой тайны. Выявлены основные угрозы и направления правового регулирования института коммерческой тайны и ее защиты.

Ключевые слова: коммерческая тайна, разглашение информации, конфиденциальность, информационная безопасность, защита

LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF TRADE SECRETS AND ITS PROTECTION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. The article discusses the current problems of protecting trade secrets in the conditions of digitalization of the economy. The main approaches to the definition of the content of the category “trade secret” are analyzed, legal statistics are considered and analyzed in the framework of the consideration of causes related to the violation of trade secrets. The main threats and directions of legal regulation of the institute of commercial secrets and its protection are identified.